

УДК 94(470):336.713
ББК У26

Ю. А. Петров

КОММЕРЧЕСКИЕ БАНКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX века

Ключевые слова: экономический рост, коммерческие банки, Государственный банк, иностранные инвестиции, кредитная система, акционерный капитал, вексель, ссудные операции, фондовые биржи, акции, облигации.

В статье исследуется роль кредитно-инвестиционной активности банков в экономическом подъеме России. Анализируется сложившаяся двухуровневая кредитно-банковская система России, развитие которой было обусловлено потребностями капиталистической модернизации народного хозяйства. Особо отмечена тесная взаимосвязь ведущих российских банков с европейскими банкирами, основанная на деловом сотрудничестве и системе участия в акционерном капитале.

Yu. A. Petrov

COMMERCIAL BANKS AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE END OF XIX — BEGINNING OF XX CENTURY

Key-words: economic growth, commercial banks, the State bank foreign inputs, credit system, sharehold capital, bill of exchange operations, Fund Stock Exchange, Shares, obligations

The role of credits and investments in bank activity in the economic increase of Russia is studied in the article. The traditional two-level credit banking system of Russia is analysed. Its development was due to capitalistic modernization of the national house-hold demands. The tight connection of the leading Russian banks with European bank-workers, based on the business cooperation and system of shareholding is especially identified.

1. Экономический рост, иностранные инвестиции и политика правительства

Два экономических подъема, конца 1890-х и 1909 — 1913 гг., благодаря которым Россия вошла в пятерку индустриально развитых держав, были во многом связаны с кредитно-инвестиционной активностью отечественных банков.

Доля России в мировом промышленном производстве, составлявшая в 1881—1885 гг. 3,4 %, возросла к 1896—1900 гг. до 5,0 %, а к 1913 г. — до 5,3 %. Современные экономисты признают, что темпы роста царской экономики были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX — начала XX в. Россия принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, таких как США, Япония и Швеция [30, р. 192].

По важнейшим экономическим показателям Россия значительно приблизилась к

ведущим странам Запада. По абсолютным размерам добычи железной руды, выплавке чугуна и стали, объему продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и производству сахара она вышла на четвертое-пятое место в мире, а в нефтедобыче на рубеже XIX—XX вв. на время стала даже мировым лидером благодаря созданию Бакинского нефтепромышленного района. Протяженность российской железнодорожной сети являлась второй в мире, уступая только США.

Однако стремительный рост населения, прежде всего сельского, снижал прогресс российской индустриализации в расчете на душу населения. Доля России в мировом промышленном производстве (5,3 % в 1913 г.) далеко не соответствовала доле ее населения среди жителей земного шара (10,2 %). Из отдельных видов промышленной продукции исключение составляли

только нефть (17,8 % мировой добычи) и сахар (10,2 %). По производству промышленных поваров на душу населения Россия продолжала находиться на уровне Италии и Испании, уступая передовым индустриальным державам [6; 16; 26].

Немалую роль в деле индустриализации страны сыграли заграничные инвестиции, подтолкнувшие создание ряда новых отраслей и целых промышленных районов (горнометаллургический Донбасс, освоенный благодаря французским и бельгийским инвестициям). Впрочем, в этом отношении империя принципиально ничем не отличалась от других стран, вступивших на путь капиталистической модернизации с некоторым опозданием и пользовавшихся поддержкой более развитых соседей (например, Германии, в течение XIX столетия совершившей громадный скачок в индустриальном развитии).

Плата за помощь капиталами и технологиями (ноу-хау) была немалой, но экономический эффект оказывался выше, и в конечном счете эти инвестиции работали на дело индустриализации России. Их направления, отраслевая структура обуславливались внутренними потребностями страны. Главное, иностранные инвестиции, безусловно, не были определяющим фактором экономического роста. В канун Первой мировой войны иностранные корпорации контролировали около 15 % совокупного капитала российских акционерных компаний. Отечественный капитал, прежде всего банковский, сохранял лидирующие позиции в народно-хозяйственной системе страны [19].

Экономическая политика правительства на рубеже XIX—XX вв. носила противоречивый характер. С одной стороны, правительство способствовало железнодорожному строительству, созданию тяжелой индустрии, росту банков, протекционистской защите отечественной промышленности и тем самым развитию индустриального производства, с другой — неуклонно и последовательно отстаивало систему государственного контроля и управления экономикой, консервировало архаичные порядки в деревне [11, с. 405]. Эта политика воплотилась в деятельности С. Ю. Витте, крупнейшего государственного деятеля дореволюционной России, министра финансов в 1892—1903 гг. [2].

Помимо мер общего характера, создавших благоприятные условия для развития отечественной промышленности (таможенные и железнодорожные тарифы, денежная реформа 1895—1897 гг., льготное налогообложение и др.), существенную роль играла и прямая поддержка финансовым ведомством ряда отраслей (машиностроение, химическая и добывающая промышленность и т. п.) путем предоставления казенных заказов, льготных кредитов, регулирования объемов производства для поддержания высоких цен и т. д. В то же время Россия оставалась страной, где не было западной свободы частного предпринимательства, действовала «разрешительная система» регистрации акционерных компаний, зависящая от административного усмотрения.

Все же в канун Первой мировой войны страна вышла на траекторию здорового экономического роста, которая при сохранении мирной, эволюционной модели развития могла бы вывести империю в число ведущих индустриальных держав мира. Разница со странами Западной Европы заключалась в том, что, позже других вступив на путь индустриального развития, Россия прошла меньший отрезок этого пути.

2. Коммерческие банки в экономической жизни страны

Сложившаяся во второй половине XIX в. кредитная система России была вызвана к жизни потребностями капиталистической модернизации народного хозяйства. К началу Первой мировой войны в стране действовала двухуровневая кредитно-банковская система, финансирующая различные секторы экономики.

Центральным звеном этой системы являлся учрежденный в 1860 г. Государственный банк, находившийся в непосредственном подчинении министра финансов. Государственный банк являлся крупнейшим коммерческим банком страны, а после денежной реформы 1895—1897 гг. стал и эмиссионным банком, получив право эмиссии обеспеченных золотом кредитных билетов.

Аккумулируя ресурсы с помощью широкой сети филиалов (136 отделений и контор к 1914 г.) и пользуясь средствами казначейства, он в широком масштабе финансировал народное хозяйство (выдачи по учету векселей и ссудам под залог к

1914 г. составили 1 072 млн руб., в практике банка получили распространение так называемые неуставные ссуды как форма льготного кредитования торгово-промышленных фирм). Особенно активно в канун мировой войны Госбанк участвовал в кредитовании хлебной торговли (остаток ссуд под залог хлебов к 1914 г. — 145,5 млн руб.), снабжал средствами частные коммерческие банки, обнаруживая тенденцию к превращению в «банк банков» (кредиты коммерческим банкам к 1914 г. — 388 млн руб.) [3; 14; 18].

В политике Государственного банка постоянно пересекались две тенденции: самостоятельное кредитование торгово-промышленного оборота и передача капиталов коммерческим банкам. В начале XX в. из конкурента Государственный банк все более превращался для акционерных банков в источник средств, которые перетекали в частные банки по счетам переучета векселей и ссудам под залог векселей, ценных бумаг и товарных документов. Россия переживала общую для развитых стран того времени эволюцию банковской системы, в ходе которой центральные банки все более становились «банками банков», выполняя роль резервной кредитной системы. Однако в России этот процесс еще не завершился, и Государственный банк стремился в то же время к активному финансированию народного хозяйства, особенно отраслей, связанных с хлебной торговлей (строительство сети государственных элеваторов).

Тем не менее ведущим элементом кредитно-банковской системы с конца XIX в. стали акционерные коммерческие банки [13; 5; 7; 8; 10; 29]. Беря начало в 1860-х гг. (первым в 1864 г. был открыт Петербургский частный банк), сеть акционерных банков коммерческого кредита в канун мировой войны насчитывала 50 учреждений с 778 отделениями, в том числе 13 банков находилось в Петербурге, 7 — в Москве, 5 — в Варшаве, 3 — в Риге, по 2 — в Киеве, Одессе и Лодзи.

Несмотря на относительно невысокий количественный рост (к 1900 г. в Российской империи действовали 42 коммерческих банка), благодаря созданной в начале 1900-х гг. широкой сети отделений (ср.: к 1904 г. их насчитывалось всего 268) акционерные коммерческие банки заняли цент-

ральное место во всей кредитно-банковской системе России. По сумме баланса к 1914 г. (6 284,6 млн руб.) они намного опережали все остальные банковские учреждения коммерческого кредита, в том числе Государственный банк (4 624,0 млн руб.) [24].

Отечественные коммерческие банки, начинавшие с роли скромных посредников в платежах, со временем превратились в главные нервные узлы экономики. Десятку крупнейших коммерческих банков России возглавлял Русско-Азиатский банк (баланс к 1914 г. — 834,9 млн руб.), за ним шли еще шесть петербургских банков (Русский для внешней торговли — 628,4 млн руб.; Международный — 617,5; Азовско-Донской — 543,5; Русский торгово-промышленный — 496,2; Волжско-Камский — 424,7; Сибирский Торговый — 289,5 млн руб.), два московских (Соединенный — 338,8 млн руб., Купеческий — 279,5 млн руб.), а также Коммерческий банк в Варшаве (217,4 млн руб.).

Крупнейшие банки активно действовали в производственном секторе российской экономики: так, упомянутый Русско-Азиатский банк занимался кредитованием товарооборота, проводил масштабные операции по торговле хлебом, хлопком, сахаром и другими массовыми товарами. Главным направлением его деятельности стало финансирование железнодорожного строительства, производства вооружений и ряда отраслей тяжелой индустрии. К 1914 г. Русско-Азиатский банк контролировал свыше 160 акционерных компаний, совокупная сумма акционерных капиталов которых превышала 1 млрд руб. В числе патронируемых компаний значились 124 торгово-промышленных предприятия, 20 железнодорожных обществ, 4 пароходства, 3 страховые компании, 2 земельных банка. Лишь одна военно-промышленная группа банка включала восемь крупнейших акционерных обществ с капиталом 85 млн руб., в том числе такие знаменитые предприятия, как Путиловский завод, Невский судостроительный, Русско-Балтийский судостроительный и др.

Ведущие российские банки отличала тесная взаимосвязь с европейскими банками, основанная на деловом сотрудничестве и системе участия в акционерном капитале. При этом иностранным банкам за-

конодательно запрещалось открывать представительства в России (исключение было сделано только для французского банка «Лионский кредит»), поэтому свои интересы они реализовывали, участвуя в акционерном капитале российских банков. Привлечение иностранных инвестиций, стимулируя расширение операций отечественных банков, не приводило, однако, к их «порабощению», поскольку российские директора сохраняли за собой необходимые властные полномочия. Отечественные банки начинали самостоятельно выходить на международный денежный рынок: к 1914 г. они имели 17 заграничных филиалов, в том числе 5 в Париже, по 3 в Лондоне и Берлине [4; 9; 20].

Основное место в активах коммерческих банков России занимали кредитование торгового-промышленного оборота и финансирование производства по счетам учета векселей, кредитов на определенный срок и бессрочных или «онкольных» (от английского *on call* — погашение по требованию) ссуд под залог векселей, ценных бумаг и товаров (таблица). К 1914 г. особенно сильным было влияние российских акционерных коммерческих банков в металлургии, машиностроении, нефтяной, цементной, сахарной, текстильной и табачной промышленности, в железнодорожном строительстве и водном транспорте, хлебной торговле.

Мобилизация денежных ресурсов в форме пассивной операции — основа жизнедеятельности коммерческого банка. Ее народно-хозяйственное значение заключается в том, что накопленный обществом капитал не оседает в «кубышке», не ухо-

дит из оборота, а возвращается в экономику, давая новый импульс ее развитию. Как видно из таблицы, объем пассивной операции у отечественных коммерческих банков увеличивался весьма интенсивно и за 13 предвоенных лет вырос более чем в 4 раза. В российской практике привлечение средств в банк осуществлялось в форме вкладов как отдельных лиц, так и торгового-промышленных компаний, вносивших на текущий счет в банке кассовые остатки.

В предвоенный период конкуренция между банками на рынке капиталов резко обострилась в связи с высокой экономической конъюнктурой. Банки устраивали, как писала тогдашняя биржевая пресса, настоящую «погоню за вкладами», выплачивая клиентам по 5—6 % (при этом средняя ставка по активным операциям равнялась 6—8 %) и неся убытки от конкуренции. В 1910 г. между ведущими банками было заключено в связи с этим «Соглашение по пассивам», согласно которому они обязались не поднимать процент по пассивам выше 3—4 (в зависимости от условий вклада). Соглашение действовало до Первой мировой войны и способствовало притоку денежных средств населения в коммерческие банки, поскольку пониженный уровень процента по вкладам был выше, чем в других кредитных учреждениях [25, с. 141—152].

Еще более стремительно росли основные активы коммерческих банков, сумма которых за 1899—1913 гг. выросла более чем в 5 раз. Первую скрипку здесь играли вексельно-подтоварные кредиты, прежде всего учет векселей. «Учетная операция, — отмечали деятели дореволюцион-

Таблица [10, с. 64]
Операции российских коммерческих банков
по данным годовых оборотов за 1899 и 1913 гг., млн руб.

Операции	1899 г. 42 банка	1913 г. 50 банков	Прирост, %
Пассивы (вклады и текущие счета — поступило за год)	3 792,5	15 616,8	412
Основные активы	3 320,6	17 333,0	522
В том числе:			
Вексельно-подтоварный кредит (учет векселей, ссуды срочные и онколь)	1 414,5	7 712,9	545
Кредит под залог ценных бумаг (ссуды срочные и онколь под бумаги)	1 029,7	4 923,3	478
Покупка ценных бумаг за свой счет	876,4	4 696,8	536

ного банковского мира, — составляет такую важную отрасль деятельности банков коммерческого кредита, что на эту операцию затрачивается главная часть средств, собираемых посредством вкладной операции» [12, с. 64]. Как следует из таблицы, вексельно-подтоварный кредит в России отличался наибольшим динамизмом, прирост за 1899—1913 гг. составил примерно 5,5 раза.

В России вексель являлся наиболее распространенной формой отношений производителя-промышленника и торговца, превратился в бумажную тень товарообмена. Продавая («учитывая») в банк вексель, полученный от торговца с обязательством уплаты за переданный для реализации товар, фабрикант получал средства для продолжения производства за вычетом банковского учетного процента, размер которого колебался в пределах 6—8 %. Учетная ставка в России, заметим, была существенно выше, чем в странах Западной Европы, где ее уровень составлял 3—6 %. Путем учета векселей банк таким образом снабжал торговпромышленный оборот средствами, необходимыми для совершения полного цикла производства и реализации товаров.

Средний срок векселя в России колебался в пределах 6—9 месяцев, в Европе с ее более развитой экономической инфраструктурой — до 3 месяцев, средняя валюта векселя составляла 1—1,5 тыс. руб. в России и 200—300 руб. — в странах Западной Европы. Из опытных экспертов — авторитетных предпринимателей банки создавали особые учетные комитеты, призванные оценить реальную кредитоспособность клиента и соответственно качество вексельного портфеля банка.

Весьма важную роль играли и ссудные операции банков под залог товаров и товарных документов. Банки обычно выдавали ссуды под залог товаров массового потребления, однородных и нескоропортящихся. В России к таковым относились прежде всего хлеб в зерне и муке, сахар, хлопок, очищенный спирт, керосин и др. Продавец товара, заложив его в банке, мог не торопиться с реализацией и дожидаться более выгодной рыночной конъюнктуры. Немаловажное значение имели такого рода ссуды для мелких и средних коммерсантов, кото-

рые благодаря банковскому кредиту могли приобрести новые партии товара. Ссуды предоставлялись в размере 50—90 % оценочной стоимости залога. Заложенный товар оставался собственностью владельца, но передавался банку на хранение в особые склады, где находился до окончания расчетов. Принимались банками и документы, подтверждавшие, что товар находится в пути (железнодорожные накладные, квитанции транспортных обществ и т. п.) или на складах (варранты). Операции с товарами приносили банкам прибыль на уровне 18—20 % благодаря тому, что при заключении кредитной сделки банк оговаривал право комиссионной продажи заложенных товаров.

Товаро-комиссионные операции отразили поворот российских банков от простого посредничества к прямому участию в товарообмене. Отечественная торговля в результате стала приобретать цивилизованный облик: снижалось число посредников, строились оборудованные по последнему слову техники банковские склады и т. д. Вслед за промышленностью банки ставили под фактический контроль и оптовую торговлю, особенно экспортную, главной статьёй которой являлся хлеб, а также внутреннюю (хлопок и сахар). Так, в 1913 г. из 10 млн пудов хлопка, проданного на российские фабрики, более $\frac{2}{3}$ было реализовано при участии петербургских и московских банков. Современники отмечали, безусловно, благотворное влияние банков на торговую сферу: «Россия, как страна бедная капиталами, с медленными долгосрочными оборотами и слабо развитой сетью путей сообщения, особенно нуждается для обеспечения своего товарного оборота в участии банков» [17, с. 359].

Второй по значению операцией после вексельно-подтоварных кредитов в практике российских коммерческих банков являлись ссуды под залог ценных бумаг, объем которых за 1899—1913 гг. возрос в 4,8 раза (см. таблицу). В залог по ссудам банками принимались как облигации государственных займов и приравненные к ним ценности (гарантированные государством облигации железнодорожных компаний), так и акции и паи частных фирм (акционерных обществ и товариществ на паях).

К 1914 г. государственный долг страны, по официальным данным, выражался суммой 8 824,5 млн руб., в том числе 7 153,0 млн — займы «на общегосударственные потребности», остальные 1 671,5 млн — долги по облигациям железнодорожных обществ. По объему государственного долга Россия в мировой табели о рангах шла на втором месте после Франции и на первом — по абсолютным размерам связанных с займами платежей. Платежи по займам в 1913 г. составили 424 млн руб. и являлись второй по значимости статьей государственного бюджета после военных расходов империи [15]. Принимая в залог по кредитам облигации государственных займов и гарантированные правительством фондовые ценности, банки принимали деятельное участие в обслуживании государственного долга.

В залог по ссудам коммерческие банки охотно принимали и ценные бумаги акционерных компаний, котировавшиеся на бирже. В начале XX в. в России интенсивно формировался рынок частных фондовых ценностей. К 1914 г. в стране действовали 2,2 тыс. акционерных компаний с основным капиталом 4,5 млрд руб., на российских биржах обращались акции 383 компаний на сумму 1,65 млрд руб. (номинальной стоимости) [21]. Ссуды под акции и облигации частных компаний, торгово-промышленных и железнодорожных, использовались заемщиками отчасти в производственных целях, когда кредит направлялся на нужды производства. Такого рода ссуды применялись также биржевыми игроками для игры на повышение-понижение в форме онкольных счетов. В момент биржевых кризисов банки несли по этим операциям убытки, но в период повышательной экономической конъюнктуры ссуды эти приносили доход на 1 % выше учетного процента, и банки, особенно петербургские, охотно занимались такого рода кредитами.

Операциями с ценными бумагами российские банки занимались и в форме покупки-продажи за свой счет. По динамике развития эта операция, в 1899—1913 гг. возросшая в 5,4 раза, уступала только вексельно-подтоварному кредиту (см. таблицу). Операция была связана с эмиссией государственных и частных фондовых ценностей, размещение которых среди держателей брали на себя коммерческие банки.

Банк или группа банков приобретали бумаги у эмитента по определенному курсу и затем размещали их среди твердых держателей по более высокой цене. В этих целях создавались объединения (синдикаты и консорциумы, по тогдашней терминологии) банков, привлекавших к эмиссии субучастников (мелких банкиров, биржевиков, клиентов-онколистов и др.).

Благодаря эмиссионно-учредительским операциям банков была реализована (в России и за границей) значительная доля российского государственного долга, а также созданы десятки промышленных предприятий, которые не в силах были реализовать акционерный капитал без содействия со стороны коммерческих банков. При умелой организации дела (кампания в прессе, «подогрев» биржевых маклеров и т. п.) прибыль банков от роста курса могла достигать нескольких номиналов эмитируемой бумаги. Располагая громадными финансовыми ресурсами, коммерческие банки уверенно контролировали ход событий на основных фондовых биржах Москвы — Петербургской и Московской.

На бирже банки действовали не только по договорам с эмитентом, но и самостоятельно, приобретая фондовые ценности в «собственный портфель». Эта операция была чревата иммобилизацией краткосрочных банковских пассивов, и по закону объем таких сделок ограничивался 25 % акционерного капитала. Тем не менее покупка-продажа биржевых ценностей являлась одной из излюбленных операций отечественных банков, прежде всего петербургских. Чтобы уменьшить риск от игры с биржевыми ценностями, с 1899 г. под эгидой Государственного банка действовал интервенционный синдикат ведущих коммерческих банков, призванный в период экономического кризиса поддержать биржевые курсы бумаг, в которых банки были заинтересованы.

Активность банков в этом секторе народного хозяйства способствовала процессу формирования фондового рынка в России и переливу накоплений населения на дело государственного кредита и в производственную сферу.

3. Специфика банковской деятельности: Петербург и Москва

Двумя главными банковскими центрами Российской империи являлись обе сто-

лицы, Петербург и Москва [22; 25]. К 1914 г. сумма балансов 13 петербургских банков равнялась 4 432,7 млн руб., 7 московских — 1 050,4 млн, а остальных 30 банков провинции — всего 801,5 млн руб. Банковская деятельность в столицах имела существенные особенности, связанные со спецификой развития обоих городов: Москвы как центра всероссийской торговли и промышленности и Петербурга — морских ворот в Европу и средоточия правительственных ведомств.

В Москве основным типом банковского деятеля являлся торговец или промышленник, взявшийся за банкирское ремесло в интересах обеспечения торгово-промышленного оборота. Среди же петербургских финансистов, особенно на рубеже XIX—XX вв., преобладали банкиры, тесно связанные с фондовой биржей, правительственными канцеляриями и европейскими финансовыми партнерами.

Это различие просматривается и в деятельности руководимых ими банков. Двумя основными типами акционерных коммерческих банков в России являлись так называемые депозитные и деловые (или «спекулятивные») банки. Родились эти разновидности банковского промысла в Западной Европе, а затем прижились на русской почве. Депозитные, работавшие в основном в области регулярных вексельно-ссудных операций с торгово-промышленной клиентурой, отождествлялись с банками московскими, а деловые, более склонные к биржевым операциям с ценными бумагами, — с петербургскими.

Каждый из типов имел преимущества. Их суть точно подметил представитель известной банкирской династии Москвы М. П. Рябушинский: «Первая категория банков, так называемая депозитная, преследует узко банковские цели: учитывает первоклассные векселя, имеет малые потери, вызывает этим к себе доверие и привлекает депозитные деньги. Чем более завоевывает доверие банк, тем более получает вкладчиков из дешевых процентов и тем более получает возможность учитывать векселя из дешевых процентов и потому брать наилучшие. Вторая категория — банки спекулятивные. Желая быстро дать акционеру более или менее крупный дивиденд и потому не имея возможности до-

биться доверия у публики, которое получается лишь долголетней кропотливой работой, они стараются разными способами, грюндерскими приемами и немедленной перепродажей наживать на разнице в цене. При успехе, или, вернее, при удачной конъюнктуре, а также — чаще — в зависимости от талантливости своих руководителей, эти банки достигают больших размеров и успехов» [28, с. 657].

Развитие московского предпринимательского мира было связано прежде всего с текстильным производством и торговлей товарами, предназначенными для сбыта на широком рынке. Поэтому и в финансовом секторе приоритет оставался за промышленниками, по большей части имевшими крестьянские корни и гордившимися простонародным происхождением. Политика руководимых ими банков ориентировалась не столько на создание новых предприятий и перепродажу их акций на бирже, сколько на поддержание уже существующих фирм. «Коренные московские банки (к ним прежде всего относились “старомосковские”. — Ю. П.), — вспоминал в эмиграции другой представитель банкирской династии, В. П. Рябушинский, — были своеобразны и сильно отличались от петербургских; главная цель у них была — солидность... Московские традиции заключались в том, чтобы не заниматься “грюндерством”, то есть основанием новых предприятий, что делали петербургские банки. Риск такой политики заключался в том, что она слишком тесно связывала судьбу банка с судьбой патронируемых им предприятий. Москва этого опасалась» [27, с. 245].

Приоритет регулярных кредитных операций над экстраординарными, эмиссионными не лишал московские банки стимула к развитию: по мере роста промышленного производства и возникновения новых потребностей расширялся и банковский «арсенал». Мировая тенденция развития банковского дела на рубеже XIX—XX вв. заключалась в постепенной конвергенции двух типов банков и появлении нового, универсального, типа соединяющего преимущества обеих прежних разновидностей и свободного от их недостатков.

В России она обрела воплощение в деятельности появившихся незадолго до Пер-

вой мировой войны новых банков, наиболее динамичных и влиятельных в финансовом мире. Ярким примером тому является Московский акционерный коммерческий банк Рябушинских, основанный в 1912 г. с открыто заявленной целью «объединения русского национального капитала» [1; 23]. Банк, считали Рябушинские, призван был противостоять петербургской «банковой бюрократии», пытавшейся перехватить у Москвы «командные посты над русской промышленностью и торговлей». Петербургские финансисты обвинялись в том, что, разместив акции фирмы на бирже, без всякого внимания оставляли «внутреннюю сторону предприятий, в выпускаемых бумагах видели лишь объект для биржевых дел и, выбросив их на рынок, уже более ценной этих бумаг не интересовались» [28, с. 658].

Их политике противопоставлялась московская тактика «доброжелательной опеки», когда банк не ограничивался эмиссией акций компании на бирже, а предоставлял патронируемому предприятию возможность «при своевременном и достаточном снабжении оборотными капиталами развивать и улучшать производство». Банк Рябушинских сочетал регулярные банковские операции с биржевыми и эмиссионными, став, по замыслу его организаторов, симбиозом делового и депозитного банков, новым для России типом универсального банковского учреждения. «Цель таких банков, — писал М. П. Рябушинский, — кропотливой работой и теми же приемами, что и депозитные банки, добиться доверия и утилизировать полученный капитал на создание здоровых предприятий. Притом, в отличие от спекулятивных банков, работа их заключается в создании дела, тщательном его ведении многие годы, и лишь тогда, когда дело совершенно твердо становится на свои ноги, предоставляется ему самостоятельная деятельность, причем банк по традиции всегда сохраняет связь со своим питомцем» [28, с. 658].

Опыт Рябушинских показывает, насколько велик был потенциал дореволюционной системы частнобанковского бизнеса.

Библиографический список

1. **Ананьич, Б. В.** Банкирские дома в России, 1860—1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства / Б. В. Ананьич. — Л.: Наука, 1991. — 196 с.
2. **Ананьич, Б. В.** Сергей Юльевич Витте и его время / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — 430 с.
3. **Ананьич, Б. В.** Главный банк России. От Государственного банка Российской империи к Центральному

Накануне мировой войны, опираясь на свой банк, группа Рябушинских овладела льнообрабатывающей отраслью, основав в 1912 г. вместе с С. Н. Третьяковым, представителем другой знаменитой династии купеческой Москвы, специальную компанию — Русское акционерное льнопромышленное общество (РАЛО). С помощью РАЛО, которое финансировалось Московским банком, Рябушинские фактически взяли в свои руки экспорт льна-сырца в Европу и снабжение отечественных фабрик. Беря на вооружение новейшие формы финансового бизнеса, они создали специальную холдинговую компанию (РОСТОР) с капиталом 2 млн руб. как организационный центр своей финансово-промышленной группы, контрольный пакет акций которой находился у московского же банка. На севере России ими было приобретено крупное лесное предприятие — Товарищество Беломорских лесопильных заводов — для снабжения русским строительным лесом послевоенной Европы, которая, как они предвидели, будет остро нуждаться в строительных материалах. Наконец, в Москве Рябушинские в 1916 г. основали Товарищество Московского автомобильного завода (АМО), уже после революции выросшее в знаменитый автозавод Лихачева.

Многие из лучших отечественных финансистов, для которых личное обогащение никогда не было основным стимулом предпринимательской деятельности, могли бы подписаться под словами Михаила Рябушинского, раскрывающими кредо предреволюционных банкиров: «При всех наших делах и начинаниях мы никогда не рассчитывали на ближайшие результаты нашей работы. Нашей главной целью была не нажива, а само дело, его развитие и результат, и мы никогда не поступались ни нашей честью, ни нашими принципами и на компромисс с нашей совестью не шли». Они твердо верили, что «Россия получит возможность широко развить свои производительные силы и выйти на дорогу национального расцвета и богатства» [28, с. 660].

- банку Российской Федерации. 1860—2000 / Б. В. Ананьич, С. В. Калмыков, Ю. А. Петров. — М.: ЦПП ЦБ РФ, 2000. — 181 с.
4. **Беляев, С. Г.** Русско-французские банковские группы в период экономического подъема 1909—1914 гг. / С. Г. Беляев. — СПб.: эН-Пи, 1995. — 287 с.
 5. **Бовыкин, В. И.** Зарождение финансового капитала в России / В. И. Бовыкин. — М.: МГУ, 1967. — 259 с.
 6. **Бовыкин, В. И.** Россия накануне великих свершений / В. И. Бовыкин. — М.: Наука, 1988. — 152 с.
 7. **Бовыкин, В. И.** Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны / В. И. Бовыкин. — М.: РОССПЭН, 2001. — 318 с.
 8. **Бовыкин, В. И.** Формирование финансового капитала в России, конец XIX в. — 1908 г. / В. И. Бовыкин. — М.: Наука, 1984. — 288 с.
 9. **Бовыкин, В. И.** Французские банки в России, конец XIX — начало XX в. / В. И. Бовыкин. — М.: РОССПЭН, 1999. — 254 с.
 10. **Бовыкин, В. И.** Коммерческие банки Российской империи / В. И. Бовыкин, Ю. А. Петров. — М.: Независимое исслед. информ. агентство «Перспектива», 1994. — 350 с.
 11. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / отв. ред. Б. В. Ананьич. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — 733 с.
 12. **Вознесенский, Е. П.** Операции коммерческих банков / Е. П. Вознесенский. — СПб.: Тип. Кечеджи-Шаповалова, 1914. — 192 с.
 13. **Гиндин, И. Ф.** Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России / И. Ф. Гиндин. — М.: Госфиниздат, 1948. — 452 с.
 14. Государственный банк. 1903—1914 гг. // История Министерства финансов. В 4 т. Т. 1: 1903—1917 гг. — М., 2002. — С. 243—252.
 15. Государственный долг России в начале XX в. // История Министерства финансов. В 4 т. Т. 1. 1903—1917 гг. — М., 2002. С. 211—233.
 16. **Грегори, П.** Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки / П. Грегори. — М.: РОССПЭН, 2003. — 254 с.
 17. **Дмитриев-Мамонов В. А.** Теория и практика коммерческого банка / В. А. Дмитриев-Мамонов, З. П. Евзлин. — Петроград: Тип. М. Пивоварского и Ц. Типографа, 1916. — 237 с.
 18. Из истории государственной кредитной системы России. Вторая половина XVIII — начало XX в. — М., 2004. — 242 с.
 19. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки / рук. проекта В. И. Бовыкин. — М.: РОССПЭН, 1997. — 321 с.
 20. **Лебедев, С. К.** Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи / С. К. Лебедев. — СПб.: РОССПЭН, 2003. — 526 с.
 21. **Лизунов, П. В.** Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703—1917 гг.) / П. В. Лизунов. — СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 2004. — 576 с.
 22. Петербург. История банков / Б. В. Ананьич, С. Г. Беляев, З. В. Дмитриева [и др.]; редкол.: Б. В. Ананьич [и др.] — СПб.: Третье тысячелетие, 2001. — 301 с.
 23. **Петров, Ю. А.** Династия Рябушинских / Ю. А. Петров. — М.: Рус. книга, 1997. — 199 с.
 24. **Петров, Ю. А.** Кредитная система России в начале XX в. / Ю. А. Петров // Россия в XX веке. Историки мира спорят / отв. ред. И. Д. Ковальченко. — М., 1994. — С. 70—76.
 25. **Петров, Ю. А.** Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. — 1914 г. / Ю. А. Петров. — М.: 1998. — 367 с.
 26. **Петров, Ю. А.** Российская экономика в начале XX в. / Ю. А. Петров. // Россия в начале XX века / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. — М., 2002. — С. 168—223.
 27. **Рябушинский, В. П.** Купечество московское / В. П. Рябушинский // День русского ребенка. Сан-Франциско. — 1950. — № 4. — С. 168—250.
 28. **Рябушинский, М. П.** Цель нашей работы / М. П. Рябушинский // Материалы по истории СССР. Т. VI: Документы по истории монополистического капитализма в России. — М., 1959. — С. 650—851.
 29. **Саломатина, С. А.** Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864—1917 гг. / С. А. Саломатина. — М.: РОССПЭН, 2004. — 303 с.
 30. **Gregory, P.** Russian national income, 1885—1913 / P. Gregory. — Cambridge [Cambridgeshire]; New York: Cambridge University Press, 1982. — 359 p.

Поступила в редакцию 24.07.2010.

Сведения об авторе

Петров Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор, Центробанк РФ (г. Москва).

e-mail: pja@mail.cbr.ru